

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Ответ на антикритику г-на В.У.

«Публика справедливо скучает антикритиками, еще более возражениями на них, где дело идет всегда об оскорбленном самолюбии сочинителей, а не об истине, и я никогда бы не отвечал на грубую, неприличную антикритику г-на В. У., напечатанную в 1-м номере «Телеграфа» 1829 г., но раздражительность антикритика, вероятно переводчика комедии «Севильский цирюльник», или его друга, который позволил себе совсем нелитературные выходки и, наконец, невероятную выдумку, принуждает меня сказать несколько слов и подтвердить их доказательствами...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Ответ на антикритику г-на
В.У.

Публика справедливо сучает антикритиками, еще более возражениями на них, где дело идет всегда об оскорбленном самолюбии сочинителей, а не об истине, и я никогда бы не отвечал на грубую, неприличную антикритику г-на В. У., напечатанную в 1-м номере «Телеграфа» 1829 г., но раздражительность антикритика, вероятно переводчика комедии «Севильский цирюльник», или его друга, который позволил себе совсем нелитературные выходки и, наконец, невероятную выдумку, принуждает меня сказать несколько слов и подтвердить их доказательствами.

Г-н В. У. говорит, будто он видел у покойного А. И. Писарева, отданный ему на выправку, жалкий перевод (то есть мой) Мольерова «Скупого». Если б это было и справедливо, то все он не имеет никакого права говорить о переводе, который не напечатан и не игран; еще менее – публиковать домашние сношения приятелей. Такие поступки нигде не терпимы и нигде не позволены; но теперь не о том дело, а вот о чем: я начал переводить Мольерovu комедию «Скупой» *месяц спустя после смерти* А. И. Писарева; кончина его была

причиною моего перевода; он обещал г. Щепкину перевести эту пиесу для бенефиса – и я исполнил его обещание. Публика не обязана мне верить на слово, и я свидетельствуюсь в том г. Щепкиным, до которого всех ближе касается это дело, и почтенными особами, бывшими в самой короткой связи с А. И. Писаревым и знавшими все литературные его намерения.[1]

Какой же перевод видел г-н В. У. у покойного Писарева? Искренно сожалею, что мое замечание о посредственности перевода «Севильского цирюльника» было невинною причиною такого поступка г. В. У., который назвать настоящим именем я предоставляю ему самому и читателям. Если б Писарев был жив, то, без сомнения, я воспользовался бы его замечаниями. Не худо прочесть свой перевод просвещенному и беспристрастному приятелю прежде печати или представления.

Напрасно также г-н В. У. назвал себя уполномоченным от всех без изъятия артистов московского театра для объявления мне, что они не обращают внимания на мои замечания. Во-первых, это неправда; во-вторых, же-

лая сказать мне неприятность, он оскорбил всех артистов: не уважать чужих мнений есть знак непростительного самолюбия и невежества.

Быть может, г-н В. У. скажет, что он говорил не обо мне, что он видел другой перевод у А. И. Писарева, но дело это слишком известно многим литераторам, и я предупреждаю его: никто не поверит такой увертке. К чему было колоть меня чужим переводом?

1829 года, февраля 4.

Примечания

Князем А. А. Шаховским, М. Н. Загоскиным,
Д. М. Перевощиковым и пр.

[^^^]